

Научная статья

УДК 141.12; 316.344.42; 321.015; 342.33

DOI 10.25205/2541-7517-2021-19-4-87-98

Коллегиально разделенная власть: определение и критерии

Дмитрий Борисович Савельев

Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия
d.savelev@g.nsu.ru, dmitrijssawelyew@yandex.ru

Аннотация

Данная статья посвящена разработке концепции коллегиально разделенной власти (КРВ) Р. Коллинза. Формулируется определение КРВ и четыре критерия, связанных с формальным разделением властей: 1) наличие права парламента участвовать в формировании правительства; 2) наличие ответственности правительства перед парламентом; 3) отсутствие у главы государства полномочий назначать ставленников в законодательные учреждения; 4) соблюдение писанного закона всеми ветвями власти и подчиненными им структурами. Полученные результаты позволяют приступить в дальнейшем к более детальному изучению КРВ как ключевого элемента демократии.

Ключевые слова

коллегиально разделенная власть, транзитология, демократия, демократизация, разделение властей, формы правления, политические режимы

Для цитирования

Савельев Д. Б. Коллегиально разделенная власть: определение и критерии // Сибирский философский журнал. 2021. Т. 19, № 4. С. 87–98. DOI 10.25205/2541-7517-2021-19-4-87-98

Collegially Shared Power: Definition and Criteria

Dmitriy B. Savelyev

Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation
d.savelev@g.nsu.ru, dmitrijssawelyew@yandex.ru

Abstract

The article focuses on the development of R. Collins' concept of collegially shared power (CSP). The author formulates a definition of CSP and four criteria associated with the formal separation of powers:

© Савельев Д. Б., 2021

1) the right of parliament to participate in the formation of government; 2) the responsibility of government to parliament; 3) the lack of authority of the head of state to appoint proxies to the legislative institutions; 4) the observance of written law by all branches of powers and their subordinate structures. The obtained results will contribute to a further, more detailed study of the CSP as a key element of democracy.

Keywords

collegially shared power, transitology, democracy, democratization, sharing of power, forms of government, political regimes

For citation

Savelyev D. B. Collegially Shared Power: Definition and Criteria. *Siberian Journal of Philosophy*, 2021, vol. 19, no. 4, pp. 87–98. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2021-19-4-87-98

В наши дни уже сложилось понимание того, что демократические транзиты могут «зависать» [Макаренко, Мельвиль, 2014] и даже переживать периоды авторитарных откатов [Пшевворский, 2000, с. 62], что демократия не является некой финальной точкой развития политических режимов [Мельвиль, 2011, с. 296]. Согласно такому взгляду, любые государственные режимы могут под влиянием тех или иных факторов эволюционировать в том или ином направлении или, наоборот, фиксироваться в определенном состоянии вне зависимости от того, является ли такое движение демократизацией или движением, ей обратном («демократизацией»).

В данной статье *демократизация* вслед за Р. Коллинзом рассматривается как процесс, который имеет несколько измерений, одна из которых – уровень *коллегиально разделенной власти* (она же *коллегиальное разделение власти*, *коллегиальная разделенность власти* и т. п.; далее *КРВ*). Этот аспект подвергался слабой теоретизации, хотя имеет основания считаться *ключевой переменной* для эволюции политических режимов как к демократии, так и к авторитаризму [Коллинз, 2015, с. 201–206].

КРВ противопоставляется измерению *широты избирательного права*, причем сочетание высоких значений последней вкупе с низким уровнем КРВ соотносится с концепцией «чистой демократии» – восходящей к Ж.-Ж. Руссо идеей о непосредственности и монолитности воли и власти народа (*volonte generale*), которая *сама по себе* не подразумевает «сдержек и противовесов», а потому нередко используется для «демократической» легитимации *плебисцитарной автократии* [Руденко, 2012; Коллинз, 2015, с. 205]. Эксплицитного определения КРВ не даётся, однако указывается, что повышение её уровня связано с увеличением количества коллегиальных структур и их власти относительно центральной иерархии [Коллинз, 2015, с. 203].

Коллинз разрабатывает «геополитическую теорию коллегиальной власти», согласно которой становление КРВ происходит благодаря централизации коали-

ции нескольких военно-политических акторов с примерно равными ресурсами: вследствие невозможности сконцентрировать власть в руках одного актора и необходимости совместного противодействия общему противнику происходит формирование коллективной системы управления общими вооруженными силами, а умеренный геополитический успех вкупе со стабильной и долговременной общей угрозой стабилизируют и легитимируют сложившуюся структуру КРВ – таким путём, в частности, шли Венеция, Швейцария, Нидерланды и США [Коллинз, 2015, с. 196–258].

Но при этом он оговаривается, что возможен как минимум ещё один путь появления КРВ: «Противоположным случаем является тот, при котором централизованно управляемое государство слабеет из-за отсутствия военных и фискальных ресурсов. При его кризисе подчиненные единицы с небольшими независимыми силами противостоят фискальным требованиям со стороны центра и, наконец, соглашаются делать вклады в это государство, только если оно институционализирует некую структуру разделенной власти. Таков был путь демократизирующих революций в Англии и Франции» [Там же, с. 252–253]. В рамках актуального изучения демократических транзитов наиболее интересен именно этот путь становления КРВ, по которому должны направиться современные (модерные), уже централизованные государства для становления демократии в своих странах.

Коллинз полагает, что концепция КРВ вполне применима к современным государствам и режимам [Там же, с. 256–258], однако следует признать, что наличие централизованного государства должно вносить *значительные коррективы* в процесс становления КРВ: баланс ресурсов и возможностей *изначально смещён* в пользу проправительственных сил, поэтому трансформация должна *либо* носить относительно скоротечный характер (в качестве успешного или провального транзита), *либо* вести к явному распаду государственности со всеми многообразными разрушительными последствиями, а при *удачном стечении обстоятельств* должна сложиться достаточно развитая и эффективная система формальных и неформальных институтов, препятствующих возможной узурпации власти. Коллинз же, как первопроходец, уделил внимание *основным чертам* новой концепции и геополитическим факторам *параллельного становления* более-менее централизованного государства и коллегиальной демократии. Поэтому полагаться *исключительно* на теоретические наработки Коллинза не представляется возможным, а для развития концепции в обозначенном направлении требуется обращение к работам других авторов, в которых изложены идеи, в целом согласующиеся с концепцией КРВ.

Для изучения сценария «коллегиальной децентрализации» целесообразно в первую очередь дать *эксплицитное определение* КРВ, а затем указать *критерии*, позволяющие судить о наличии или отсутствии тех или иных элементов КРВ в определенных социально-политических обстоятельствах, что и является целью данной статьи. Это позволит в дальнейшем приступить к изучению по отдельным критериям *демократизации* как *процесса становления КРВ*, обладающего собственными факторами и динамикой.

В своей теории Коллинз основывается на соображениях М. Вебера [Вебер, 2016, с. 307–319]. Вебер писал: «Любое господство может быть лишено монархического (обусловленного *единоличностью* управления) характера путём введения принципа *коллегиальности* [везде курсив автора. – Д. С.]» [Там же, с. 307–308]. Для того чтобы коллегиальность в отношении верховной власти (а именно о ней *в конечном счете* и идет речь в любых концепциях демократии и демократизации) была достаточно стабильной и эффективной, она должна быть соответствующим образом оформлена в качестве *системы государственных институтов*.

Сразу же следует заметить, что за *формальным* выражением в коллегиальных учреждениях должно стоять некоторое *сущностное* разделение власти, поскольку *само по себе* наличие таких учреждений не является *необходимым и достаточным условием* разделения власти. Как пишет сам Вебер, «Господство может традиционно или рационально ограничиваться и сдерживаться при помощи *особых средств*. Речь не об ограниченности господства в силу традиции или устава как *таковых*... Нас интересуют здесь специфические ограничивающие господство социальные *отношения* и союзы [везде курсив автора. – Д. С.]» [Там же, с. 307].

Например, «Специфицированная коллегиальность может быть представлена *просто* группой советников, чьи высказывания “за” или “против” представляются *господину* для принятия им свободного решения... Деятельность коллегии здесь всегда ориентирована на *поддержку* власти господина [везде курсив автора. – Д. С.]» [Там же, с. 310] – здесь о *разделенности* власти не идёт и речи, но *коллегиальность*¹ *налицо*: наличествует *коллегия советников*, которая, однако, лишь весьма ограниченно может влиять на политику самодержца.

Другой пример – *однопартийные системы* при парламентской форме правления (КНР, Куба, Вьетнам): в них коллегиальность *подразумевается* законода-

¹ Здесь и далее термин «коллегиальность» используется в смысле Вебера – как наличие некоторого коллективного учреждения, находящегося в связи с единоличным правителем и чьи функции могут весьма различаться. Коллинз же иногда использует его как синоним КРВ (например, [Коллинз, 2015, с. 205–206]), однако, на наш взгляд, понятия коллегиальности и КРВ следует разделять.

тельным учреждением (как коллективностью его внутренней структуры, так и его положением в системе разделения властей), но КРВ *de facto* отсутствует, так как принятие *принципиально важных* политических решений вынесено из стен этого учреждения в политбюро или аналогичный партийный орган, что и является отличительной чертой таких систем.

С другой стороны, *реальная* КРВ может не всегда отображаться в представительном учреждении (если оно вообще существует), а являть собой *закрытый, неформальный сговор* элитных группировок (т. е. *олигархию*), что, разумеется, тоже имеет слабое отношение к демократии – для своей устойчивости КРВ должна быть *явной и подкрепленной* необходимыми институтами. Поэтому *увеличение полномочий коллегиальных учреждений и становление de facto нескольких автономных центров силы* следует считать двумя различными аспектами развития КРВ.

Согласно Й. Шумпетеру, о прямом выражении воли народа его политическими представителями речи идти не может. Люди лишь избирают тех, кому доверяют, а те, в свою очередь, ведут политическую деятельность исходя из собственных соображений. В его представлении «*демократический метод* – это такое *институциональное устройство* для принятия политических решений, в котором индивиды приобретают власть принимать решения путем *конкурентной борьбы* за голоса избирателей [курсив везде мой. – Д. С.]» [Шумпетер, 2008, с. 667]. Другими словами, государство лишь тогда можно назвать демократическим, когда его конституционный строй подразумевает контроль исполнительной власти законодательной властью, которая избирается населением на открытых и конкурентных выборах.

Д. А. Растов в статье «Переходы к демократии: попытка динамической модели» [Растов, 1996] пишет, что основа демократии – это тонкая грань между «навязанным единообразием» и «непримиримой враждой». При этом для её становления требуются два условия: *чувство общности* и *принятие демократических процедур*. Такую модель можно представить как сочетание двух тенденций – центробежной и центростремительной. К *центробежной* относятся понятное нежелание отдельных акторов при прочих равных ограничивать свою власть. К *центростремительной* же относятся те факторы, которые способствуют централизации власти в политике вокруг одного центра силы или системы институтов КРВ. Эти тенденции взаимодействуют и частично блокируют друг друга, что в итоге приводит к появлению *социального аттрактора* (кольцеобразной цепочки причинно-следственных связей факторов), при котором со временем разделенная власть стабилизуется и становится привычной, а процедуры смены власти сакрализуются.

Согласно А. Пшеворскому, «демократия – это система разрешения противоречий, в которой результаты зависят от того, что предпринимают стороны, но ни одна сила не контролирует происходящее» [Пшеворский, 2000, с. 30], а «Демократизация – это акт подчинения всех интересов борьбе, наделения неопределенности статусом института. Решающим шагом на пути к демократическому государству является передача власти от группы лиц своду правил» [Там же, с. 33]. Демократия является «системой разрешения противоречий» в том смысле, что в её рамках отношения между акторами структурируются *не только* «вертикально» (как отношения власти и подчинения), *но ещё и* «горизонтально» (как договорные отношения формально равных сторон). Именно поэтому общие результаты деятельности не зависят *исключительно* от одной стороны, т. е. ни одна сила не контролирует происходящее *полностью*, но происходящее контролируется акторами *вместе и коллективно*, ибо демократия не тождественна беспорядку. «Неопределённость наделяется статусом института» в том смысле, что *конкретные* результаты борьбы за власть *заранее* никому не известны, в отличие от *правил борьбы*, которые должны быть *гласными, четкими и честными*. И именно в этом смысле можно говорить о передаче власти «от группы лиц своду правил», т. е. о *верховенстве права*.

В статье, посвященной демократизации в аспекте КРВ, Н. С. Розов указывает, что «*Коллегиально разделенная власть...* – это не коллегиальный орган власти... но *взаимосвязь нескольких взаимно ограничивающих друг друга властных органов*, каждый из которых осуществляет определенный набор функций (например, судопроизводство или законотворчество) и может представлять те или иные заинтересованные в политике силы – влиятельный слой, большую группу населения, часть страны, всех избирателей и т. п. [езде курсив автора. – Д. С.]» [Розов, 2008, с. 79]. Данное определение является многоаспектным. С одной стороны, КРВ можно свести к *разделению властей* («специфицированному» по функциям – см. [Вебер, 2016, с. 318–319]), которое, разумеется, имеет важнейшее значение для полноценных демократий. С другой стороны, КРВ можно свести к *федерализму* как взаимосвязи некоторого числа локальных представительных (и связанных с ними исполнительных) органов. Впрочем, автор рассматриваемой статьи склоняется к широкой вариативности возможных единиц КРВ: «Будут ли это партии? Гражданские структуры? Общественные объединения солдатских матерей, автомобилистов, владельцев садовых участков и т. п.? Противостоящие друг другу “силовики”? Финансово-промышленные группы? Крупные государственные корпорации? Союзы губернаторов? Бизнес-сообщества разного уровня? Будущие независимые профсоюзы? Составные коалиции этих акторов? Список открыт» [Розов, 2008, с. 84].

В целом концепция КРВ и идеи рассмотренных авторов сводятся к тому, что в силу некоторых причин политические акторы не могут и/или не хотят как подчинить друг друга собственной авторитарной власти, так и обособиться каждый в своем «аллоде», поэтому им приходится обращаться к равноправным формальным договоренностям, согласно которым конкуренция между акторами продолжается, но уже мирным путем, не нарушая при этом общей учрежденной целостности.

Таким образом, *коллегиально разделенную власть* можно определить как институализированное положение политических сил, при котором несколько автономных акторов (они же центры власти, центры силы, члены политической системы, внутриэлитные группы и т. п.) осуществляют коллективное управление государством.

Поскольку в данной статье лишь намечаются пути к подробной разработке концепции КРВ, уместно остановиться только на одном аспекте, с позиций которого можно рассмотреть любое современное государство – на формальном разделении властей.

Полного, исчерпывающего перечня различных ветвей власти, которые подлежат разделению, по всей видимости, не существует. Начиная с Монтеस्कё традиционно выделяется три ветви: законодательная, исполнительная и судебная. Однако Сунь Ятсен, например, расширял их до пяти, добавляя к перечисленным контрольную (т. е. прокуратуру) и экзаменационную (противодействующую т. н. «железному закону олигархии») ветви власти [Сунь, 1985, с. 641–656]. Данный список может быть продолжен далее путём введения новых типов автономных учреждений. При этом вовсе не обязательно, что одна ветвь власти должна быть представлена непременно только одной высшей инстанцией, здесь Коллинз указывает только на их общее количество: «Для простоты давайте изобразим уровень коллегиальности власти выстроенным вдоль абстрактного континуума... По мере продвижения этого континуума, число коллегиальных структур растёт, равно как и их относительная власть в сравнении с центральной иерархией [курсив везде мой. – Д. С.]» [Коллинз, 2015, с. 203].

Далее мы сконцентрируемся на взаимоотношениях законодательной и исполнительной ветвей. Типология разновидностей их взаимоотношений в политических и юридических науках называется классификацией *форм правления*.

Современные правоведы признают наличие проблем при классификации форм государственного правления: разные авторы предлагают свои типологии, заимствуют и переосмысливают концепции других авторов, взаимно друг друга критикуют (из русскоязычных – см., например, [Чиркин, 2001, с. 140–155; Иванов, 2008; Авдеев, 2013; Селютина, 2013; Нечкин, 2019]). При всём многообразии

подходов их объединяет то, что все они в конечном счете отталкиваются от «классического» деления государств на монархии (абсолютные, дуалистические, парламентские) и республики (президентские, смешанные, парламентские) [Авдеев, 2013, с. 116; Нечкин, 2019, с. 144].

В рамках данного исследования имеет смысл остановиться именно на классической классификации, ибо она всегда имела как дескриптивную, так и нормативную функцию – в ней одни формы правления представлялись отдельными социальными группами в качестве идеала общественного устройства, а другие были фактическими результатами конфликтов между этими группами (и именно потому им нашлось место в типологии). Поэтому некоторые авторы вполне уместно предлагают «классические» формы правления рассматривать как *идеальные типы*, а остальные располагать в условном континууме между ними: «На наш взгляд, новая модель (вид) формы правления образуется за счет смешения некоторых признаков “классических” видов форм правления, в результате чего и появляются “полупрезидентские”, “полупарламентские”, “суперпрезидентские”, монархические республики и т. д. Аналогичная ситуация наблюдается и с монархиями» [Авдеев, 2013, с. 116]. При этом в целом «Способ формирования правительства, его политическая ответственность и способ избрания главы государства [везде курсив автора. – Д. С.] являются ключевыми критериями, позволяющими различать виды форм правления друг от друга» [Там же, с. 118].

Сразу следует отметить, что от вопроса *избираемости главы государства* мы отвлекаемся, поскольку он в большей степени относится к аспекту избирательного права, чем к КРВ. И монарх, и президент могут играть в политике как самостоятельную роль, так и сугубо ведомую – это зависит не столько от *выборности* должности, сколько от *конституционного строя* государства и актуальных практик политического взаимодействия.

Поскольку «Коллегиальность исключительно совещательных корпораций существовала и будет существовать во все времена» [Вебер, 2016, с. 316], то *наименее* свойственными КРВ следует признать те формы правления, в которых коллегиальные учреждения являются *исключительно* совещательными. Соответственно, *наиболее* присущи КРВ те формы правления, в которых в которых правительство *связано* с парламентом отношениями *формирования* и *ответственности*.

Однако здесь возникает проблема, связанная с двойственностью парламентов как единиц КРВ.

С одной стороны, власти *единоличного* главы государства оппонирует власть *коллегиальная*, поэтому наиболее соответствующим КРВ следует считать то положение, при котором правительство зависит *только* или *преимущественно* от

коллегиального (законодательного) учреждения, поскольку последнее выступает в качестве площадки для взаимодействия центров силы, причем представлено в нём должно быть как минимум два таких центра. Это согласуется с данными исследований современных стран и объясняется тем, что модели с доминированием парламента более благоприятны для демократизирующихся государств, поскольку при таких моделях *власть оказывается разделенной, возникают гарантии от персоналистских авторитарных поползновений*, стимулируется вовлечение общества в политику, обеспечивается прозрачность законотворческого процесса [Акматалиева, 2013, с. 39; Макаренко, Мельвиль, 2014, с. 17].

С другой стороны, введение в структуру взаимоотношений «парламент – правительство» полномочного третьего элемента – главы государства как главы правительства – *увеличивает общее количество институализированных автономных центров*, что должно способствовать разделению властей. Однако в таком случае единоличная власть должна быть ограничена в другой «плоскости», иначе несбалансированная система КРВ будут существовать равно столько, сколько глава государства будет ей это позволять. Например, если в США широкие полномочия президента уже более двухсот лет успешно ограничиваются федерализмом, то французская конституция 1848 г., созданная под влиянием конституции США, сохранила унитарное устройство, что привело к концентрации власти в руках президента и позволило избранному на эту должность Луи-Наполеону Бонапарту всего через несколько лет сначала совершить переворот, а затем провозгласить себя императором [Всемирная история, 2014, с. 342–343].

Рассмотрение этой дилеммы требует, по всей видимости, отдельного подробного теоретического исследования на стыке политологии, юриспруденции и социальной философии. В рамках же данной статьи уместно остановиться на том, что *так или иначе* полномочный в отношении правительства парламент (у парламента есть право участвовать в формировании правительства, а правительство является ответственным перед парламентом) есть необходимое условие действенной КРВ, причем глава государства не должен иметь полномочий назначать своих ставленников в законодательные учреждения. Взаимоотношения же парламента, правительства, главы государства и любых других ветвей власти должны скрепляться «правлением законов, а не людей», т.е. верховенством права.

Таким образом, выведены следующие критерии КРВ:

- 1) наличие у парламента права участвовать в формировании правительства;
- 2) наличие у правительства ответственности перед парламентом;
- 3) отсутствие у главы государства полномочий назначать ставленников в законодательные учреждения;

4) соблюдение писанного закона всеми ветвями власти и подчиненными им структурами.

Данное в статье *определение* и полученные *критерии* не претендуют на *совершенную* окончательность, однако позволяют перейти к дальнейшей разработке концепции КРВ как сущностного элемента демократии в эмпирическом и теоретическом отношениях.

Список литературы

- Авдеев Д. А.** Классификация форм правления: новый взгляд или поиск критериев // Вестн. Тюмен. гос. ун-та. 2013. № 3. С. 114–121.
- Акматалиева А. М.** «Цветные революции» и парламентаризм в контексте процессов демократизации на постсоветском пространстве // Сравнительная политика. 2013. №1 (11). С. 36–39.
- Вебер М.** Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии. М.: Высш. шк. экономики, 2016. Т. 1. Социология.
- Всемирная история: В 6 т. / Гл. ред. А. О. Чубарьян. М.: Наука, 2014. Т. 5: Мир в XIX веке: на пути к индустриальной цивилизации.
- Иванов В. В.** Формы правления и политического режима. В поисках нового содержания // Логос. 2008. № 6 (69). С. 121–155.
- Коллинз Р.** Макроистория: очерки социологии большой длительности. М.: УРСС, 2015.
- Макаренко Б. И., Мельвиль А. Ю.** Как и почему «зависают» демократические транзиты? Посткоммунистические уроки // Полит. наука. 2014. № 3. С. 9–39.
- Мельвиль А. Ю.** Опыт количественного и качественного анализа факторов демократизации // МЕТОД: Московский ежегодник трудов и общественных дисциплин. 2011. Вып. 2. С. 295–318.
- Нечкин А. В.** Форма правления в государствах мира: проблемы классификации и пути их возможного решения // Lex Russica. 2019. № 5 (150). С. 132–147.
- Пшеворский А.** Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке. М.: РОССПЭН, 2000.
- Растоу Д. А.** Переходы к демократии: попытка динамической модели // Полис. 1996. № 5. С. 5–15.
- Розов Н. С.** Коллегиально разделенная власть и условия поэтапного становления демократии в России // Полис. 2008. № 5. С. 74–89.
- Руденко В. Н.** «Чистая демократия» и ее атрибуты // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Философия. 2012. Т. 10, № 3. С. 120–126.
- Селютина Е. Н.** Проблемы классификации форм государственного правления в современных условиях // Учен. зап. Орлов. гос. ун-та. 2013. № 4 (54). С. 39–42.

- Сунь Я. Конституция пяти властей // Избранные произведения. М.: Наука, 1985.
- Чиркин В. Е. Современное государство. М.: Междунар. отношения, 2001.
- Шумпетер Й. А. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. М.: Эксмо, 2008.

References

- Akmataliyeva A. M.** “Tsvetnyye revolyutsii” i parlamentarizm v kontekste protsessov demokratizatsii na postsovetском prostranstve [“Color Revolutions” and Parliamentarism in the Context of Democratization Processes in the Post-Soviet Space]. *Sravnitel'naia politika*, 2013, no. 1 (11), pp. 36–39. (in Russ.)
- Avdeev D. A.** Klassifikatsiia form pravleniia: novyi vzgliad ili poisk kriteriev [Classification of Forms of Government: A New Approach or a Search of Criteria]. *Vestnik Tiimenskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2013, no. 3, pp. 114–121. (in Russ.)
- Chirkin V. E.** *Sovremennoe gosudarstvo* [Modern State]. Moscow, International Relations Publ., 2001. (in Russ.)
- Chubariyan A. O.** (ed.). *Vsemirnaia istoriia* [Modern history]. In 6 vols. Moscow: Nauka, 2014, vol. 5: *Mir v XIX veke: na puti k industrial'noi tsvivilizatsii* [The World in the Nineteenth Century: Toward an Industrial Civilization]. (in Russ.)
- Collins R.** *Makroistoriya: ocherki sotsiologii bol'shoy dlitel'nosti* [Macrohistory: Essays in Sociology of the Long Run]. Moscow, URSS, 2015. (in Russ.)
- Ivanov V. V.** *Formy pravleniia i politicheskogo rezhima. V poiskakh novogo sodержaniia* [Forms of Government and Political Regime. In Search of New Content]. *Logos*, 2008, no. 6 (69), pp. 121–155. (in Russ.)
- Makarenko B. I., Melvil A. Yu.** *Kak i pochemu “zavisaiut” demokraticheskie tranzity? Postkommunisticheskie uroki* [How Do Transitions to Democracy Get Stuck and Where? Lessons from Post-Communism]. *Politicheskaiia nauka*, 2014, no. 3, pp. 9–39. (in Russ.)
- Melvil A. Yu.** *Opyt kolichestvennogo i kachestvennogo analiza faktorov demokraticzatsii* [The Experience of Quantitative and Qualitative Analysis of the Factors of Democratization]. *METHOD: Moskovskii ezhegodnik trudov i obshchestvennykh distsiplin*, 2011, iss. 2, pp. 295–318. (in Russ.)
- Nechkin A. V.** *Forma pravleniia v gosudarstvakh mira: problemy klassifikatsii i puti ikh vozmozhnogo resheniia* [Form of Government in Countries Around the World: Classification Problems and Their Possible Solutions]. *Lex Russica*, 2019, no. 5 (150), pp. 132–147. (in Russ.)
- Przeworski A.** *Demokratiia i rynek. Politicheskie i ekonomicheskie reformy v Vostochnoi Evrope i Latinskoi Amerike* [Democracy and Market: Political and Eco-

- conomic Reforms in Eastern Europe and Latin America]. Moscow, ROSSPEN, 2000. (in Russ.)
- Rozov N. S.** Kollegial'no razdelennaia vlast' i usloviia po etapnogo stanovleniia demokratii v Rossii [Collegially Shared Power and the Conditions for the Gradual Establishment of Democracy in Russia]. *Polis*, 2008, no. 5, pp. 74–89. (in Russ.)
- Rudenko V. N.** “Chistaia demokratiia” i ee atributy [“Pure democracy” and its attributes]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Filosofiia*, 2012, vol. 10, no. 3, pp. 120–126. (in Russ.)
- Rustow D. A.** Perekhody k demokratii: popytka dinamicheskoi modeli [Transitions to Democracy: Toward a Dynamic Model]. *Polis*, 1996, no. 5, pp. 5–15. (in Russ.)
- Seliutina E. N.** Problemy klassifikatsii form gosudarstvennogo pravleniia v sovremennykh usloviakh [The Problem of Classifying the Forms of Government in Modern Conditions] *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2013, no. 4 (54), pp. 39–42. (in Russ.)
- Shumpeter I. A.** Teoriia ekonomicheskogo razvitiia. Kapitalizm, sotsializm i demokratiia [The theory of economic development. Capitalism, socialism and democracy] Moscow, Eksmo, 2008. (in Russ.)
- Sun Y.** Konstitutsiia piati vlastei [Five-Yuan Constitution]. In: *Izbrannye proizvedeniia* [Selected Works]. Moscow, Nauka, 1985. (in Russ.)
- Weber M.** Khoziaistvo i obshchestvo: ocherki ponimaiushchei sotsiologii [Economy and Society: An Outline of Interpretative Sociology]. Moscow, High School of Economics Publ., 2016, vol. 1: Sotsiologiia [Sociology]. (in Russ.)

Информация об авторе

Дмитрий Борисович Савельев

магистрант Института философии и права Новосибирского государственного университета

Information about the Author

Dmitriy B. Savelyev

Graduate Student, Institute of Philosophy and Law, Novosibirsk State University

*Статья поступила в редколлегию 15.12.2021;
одобрена после рецензирования 25.01.2022; принята к публикации 25.01.2022
The article was submitted 15.12.2021;
approved after reviewing 25.01.2022; accepted for publication 25.01.2022*